

К. И. ШАРАФАДИНА,

*профессор кафедры книгоиздания Северо-Западного института печати
Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна,
доктор филологических наук*

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПОСОБИЯХ ПО «ЯЗЫКУ ЦВЕТОВ» ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ»

Викторианскую эпоху справедливо считают последней стадией развития цветочного символизма в рамках европейской цивилизации. В это время цветоводство, как и в эпоху Руссо, становится знаком приверженности к определенным общественным нормам, а обращение к символике цветов в быту и в литературе — модой времени. Главную роль в приобретении цветочным кодом наиболее законченного вида сыграл английский консерватизм, ставший устойчивой приметой викторианства как образа жизни и национального менталитета.

Внешняя благопристойность, респектабельность и пуританская мораль диктовали чрезмерную избирательность в речи, лицемерие в поведении, заставляющее скрывать истинные и естественные чувства. Можно предположить, что фетишизация викторианского образа жизни и подтолкнула развитие цветочного кода на новой почве. Правда, оно пошло по собственному пути.

Англичане начали с того, что серьезно расширили «словарный состав» цветочных

словарей. Он резко вырос как за счет новых, введенных в культуру экзотических растений из Америки и Африки, так и за счет не очень располагающих к цветочному флирту сельскохозяйственных культур. Показательно, что им предписали значения, выходящие за рамки любовных: к примеру, тыква выражала «неуклюжесть», а лен — «выгоду» и «пользу».

Но и этого показалось недостаточно, и потому английские авторы с рвением принялись дифференцировать значения одного рода, но разных видов растительной культуры. Первое место «заняла» здесь герань — в словари вошли восемь ее видов, четыре вида примулы явно не составляли ей конкуренции. Наделялись собственной семантикой отдельные части растений (яблоко, цвет яблони, ветвь яблони); новые позиции появлялись на основании конкретизации по размеру, возрасту, стадии цветения, растительному циклу (бутоны красной, белой, розовой розы, распутившаяся роза, увядающая белая роза, роза без шипов, венки из роз и т. д.).

Цветочный «алфавит любви» в английской интерпретации стал также алфавитом искусств, религиозных понятий, морали, нравственности, даже юриспруденции и промышленности (ее эмблемой был назначен красный клевер). Но, расширяя словарный состав по этим позициям, англичане сокращали его по другим.

Генри Филипс, автор первого английского оригинального руководства по цветочному телеграфу, опубликованному в 1825 году (2-е изд. — 1834 г.), честно предупреждал читателя, что он ориентировался на французские источники, но исключил из них свойственные влюбчивым французам цветы-иносказания с «сомнительным» содержанием.

Показателен ряд «исправлений», которые сделал Генри Филипс. Липе во французской версии предписывалось эмблематизировать «супружескую любовь». Основанием для такого значения был греческий миф о Филемоне и Бавкиде, известный в переложении римского поэта Овидия: супруги так были преданны друг другу, что, дожив до глубокой старости, умерли в один день, но и после смерти не расстались — боги превратили Филемона в дуб, а Бавкиду — в липу, и супруги-деревья благодарно переплелись ветвями. Филипс незначительно переакцентировал исходную формулу, но что показательно, «английская» липа в духе провозглашаемых викторианской моралью семейных ценностей символизирует у него супружескую... верность.

В словаре Филипса много портретирующих растений: есть семейные эмблемы (для матери, отца, дочери и сына), возрастные (ранняя юность и преклонный возраст), не забыто даже рождение ребенка (ясенец белый).

Но больше всего цветов досталось незамужним «английским девам». Букеты для них исчерпывающе рисуют все их мыслимые добродетели: робость и скромность, чистоту и свежесть, сдержанность и умеренность, трудолюбие и милосердие, невинность и целомудрие. Эти качества эмблематизируют модные растения, популярные в викторианском обиходе. Большинство из них — комнатные: азалия, фуксия, герань.

В то же время автор посчитал невозможным включить в свой словарь ряд «смущающих» понятий и характеристик. В их число попала «чувственная любовь». Во французской версии это значение связывалось с очень душистой мохровой розой, видом рода розы столопестковой. Ее похожие на раскрытую книгу цветы так тяжелы, что цветочные головки сгибаются под собствен-

ной тяжестью — прекрасная иллюстрация для любовной страсти.

Союз белой и красной роз — зримая метафора «сердечного огня, или пылающего страстями сердца» — также был вычеркнут из цветочного алфавита. Даже предупреждающая о последствиях подобного общения предусмотрительная опунция (из рода кактусов) с пучками острых колючек («Я обжигая!») не устроила составителя. Филипс решил оградить своих читателей и от слишком грубого и прямолинейно названного понятия «плодовитость», приписываемого розовой шток-розе.

Тем более смутил его пион как эмблема стыда и позора — такой откровенности характеристик его цветочная почта решила избежать.

Характерному нравственному переосмыслению Филипс подверг семантику сирени. На Востоке ее дарили на последнем свидании в знак длительной разлуки или разрыва. Это растение традиционно связывалось с драматическим поворотом в судьбе любящих. Английский автор сохранил за сиренью значение разрыва, но изменил обстоятельства. Для Филипса сирень сохраняет значение разобщенности, но разрыв проецируется не на любовные, а на семейные отношения. Сирень в викторианский век означала тоску по покинутой семье и друзьям и желание или призыв поскорее к ним вернуться.

В комментариях видны политические и религиозные симпатии автора. Так георгины, или далии (оба названия, русское и латинское, были даны в честь ученых-ботаников) приписано значение «непостоянство, нестабильность», обоснованное исторически: когда цветок был завезен во Францию в первый год революции (1789), то о нем забыли и он погиб, поэтому его пришлось вводить в культуру вторично — в первый год императорства Наполеона.

Туберозе с ее одурманивающим ароматом французы приписали семантику чувственности и сладострастия; викторианство выносит этим желаниям нравственный приговор: англичанам опасный для здоровья запах цветка должен напоминать, что чувственные «удовольствия» сомнительны и опасны. «Узы любви» — эту выразительную и явно поощрительную метафору, связываемую французами с крепко обвивающей опору жимолостью, Филипс превращает в образ-укор «оковы любви». Похожая стратегия использовалась и для семантизации виноградной лозы: статус «опьянения» показался викторианцу слишком

индифферентным, и он вынес растению нравственный приговор — оно стало эмблемой компрометирующего и всячески порицаемого «пьянства».

Наконец, самую неожиданную метаморфозу претерпели папоротник и шалфей: если у всех французских авторов первый означает искренность, то у Филиппа он становится знаком противоположного и, вне сомнения,

поощряемого качества характера викторианца — скрытности.

Цветочные пособия викторианской эпохи — прекрасный пример того, как национальный менталитет влияет на культурные матрицы: «чужое» становится «своим», порождая новые концепты цветочного «языка», ориентированные на морально-этические ценности эпохи.